

Екатерина Чеузова
Приключения
ветеринарного
врача

Архангельск

2024

Екатерина Чеузова

**Приключения
ветеринарного врача**

«Автор»

2024

Чеузова Е.

Приключения ветеринарного врача / Е. Чеузова — «Автор»,
2024

В своей книге ветеринарный врач Екатерина Чеузова не только рассказывает истории о своей интересной работе, связанной с лечением животных и профилактикой болезней у них. Она придумала интересный литературный ход, используя философско-фантастический рассказ. Адресована всем, у кого есть животные и кто хочет приобрести настоящего друга.

© Чеузова Е., 2024

© Автор, 2024

Екатерина Чеузова

Приключения ветеринарного врача

ВВЕДЕНИЕ

Самая удивительная и добрая профессия на Земле – ветеринарный врач. В ней непременно должны соединяться две составляющие: сама работа и образ жизни. Потому что мы в своей профессии находимся 24 часа в сутки – даже если мы физически не на работе, она живет в нас. По-другому не бывает. И спустя годы у каждого врача в рюкзаке за спиной накапливается множество интересных историй, которыми хотелось бы поделиться. Но...

Как это сделать? Просто описать неординарные случаи? Для читателя это будет не очень увлекательно. А если немножко пофантазировать и пригласить его путешествовать в свой слегка перевернутый вверх тормашками мир? А впрочем, все истории моих лохматых пациентов – настоящие. И даже кот Кекс – мой. А что из этого получилось – судить вам!

ЕКАТЕРИНА ЧЕУЗОВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Наверное, было так – Бог посмотрел на свои творения сверху вниз и сказал: «Каждому разумному существу повелеваю иметь Душу. Душа будет обретать собственное тело при отделении от родившей его матери, а покидать, когда плоть окаменеет». Сказать-то сказал, но не уточнил, как это будет происходить в реальной жизни. Душа человека автоматически переходит к человеку, собаки к собаке, змеи к змее, и далее – все по порядку? Почти как в легендарной таблице Менделеева. Почему Менделеева? Да потому, что там все разложено по полочкам, и даже пронумеровано, чтоб не дай Бог какой-нибудь элемент не перепутал ячейки. И не перебрался спросонья случайно к соседу.

Да только не придумал Бог ни системы, ни таблицы. И стали Души путаться. То в дупло старого дуба влезть попытаются, то облаком притворятся, а то и вовсе с перепугу в землю внедриться надумают... А дальше кому как повезет. Куда лететь? Куда плыть? Куда деваться? Бог так и не уточнил.

И решила одна самая сообразительная Душа созвать всеобщее собрание, на котором постановили: как освобождается одна Душа из тела, коли она почти безгрешна, пусть летит к первому же новорожденному, появившемуся на этот Свет. А чей это детеныш будет – человеческий или звериный – все равно... Вот и селятся с тех пор Души в ком хотят. Потому и встречаются порой кошки с мудрым человеческим взглядом и люди, бездумно глядящие на луну в ночь полнолуния.

...Сколько себя помню, я летаю во сне. Нет, не каждую ночь. Интервал между полетами может составлять месяц, а может годы. А еще почему-то говорят, что «парит» по ночам только растущий организм. Выросший взлететь не сможет. Отлетал свое. От тяжести, что ли? Только я-то летаю! Летала в пять, в десять... И сейчас, когда мне уже чуть-чуть «плюс», летаю иногда тоже. И всегда это происходит одинаково. Я от кого-то удираю, потом, оглядываясь на погоню, обязательно ухмыляюсь, приговаривая: «Не догонишь – смотри, как умею!» Затем отталкиваюсь от земли и начинаю делать такие пассы руками, будто это не воздух, а вода. И чем активнее я отталкиваю воду, то есть воздух, тем быстрее плыву, вернее лечу. Причем летаю всегда на средней высоте – там оптимальная скорость.

Ниже забора и выше крыш мне отчего-то не летается...

Мой компактный организм завершил свое формирование годам к двадцати. Так отчего же мне до сих пор не ходится и даже не бегаются по земле, а тянет в небо? Может, до того,

как стать особью женского пола, я была птицей? Ну а что? Тоже неплохо. Одно беспокоит: во время очередного полета я боюсь столкнуться с такими же пернатыми, как и я. Поэтому тщательно облетаю их при встрече. Если встречаю.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я лежу на верхней «боковушке» компактного плацкарта. Время близится к полуночи. Прикрыла окно, сумев с трудом дотянуть сверху до середины рамы плотную резиноподобную шторку, а низ подпереть дырявым матрасом неопределенного цвета и возраста. Интересно, на какие бицепсы рассчитаны эти «затемнители» окон? С большим усилием (а если объединиться, скажем, по двое-трое, то процесс пойдет быстрее) надо подтянуть эту «шторку» к самому низу окна и умудриться как-то зафиксировать ее. А если фиксация сразу не задалась, то «затемнение» со скоростью реактивной ракеты летит назад вверх. Если очень постараться, то попытки с десятой может что и получится...

Сегодня мне повезло: я умудрилась самостоятельно дотянуть упирающуюся материю до середины окна, затем ниже, еще ниже и ловко прижала ее матрасом. А сверху привалилась сама, чтоб тяжелая занавеска не сбежала обратно. Теперь можно и поспать. Завтра волнения, переживания, неизвестность...

Я – молодой специалист. Месяц назад получила заветные корочки – итог пятилетних усилий и трудов. Профессия, приобретенная в институте, меня всегда привлекала – называю себя кошkinsким доктором. А если верить диплому, я ветеринарный врач. Именно врач, а не ветеринар, что в переводе с латыни дословно обозначает «выючное животное».

Я все же не оно, а Доктор, хоть и для животных. Мой диплом не красного цвета, а более распространенного синего, но от этого факта он для меня не менее ценен. Во время учебы присмотреть себе тепленькое местечко, как сделали многие мои более продвинутые однокурсники, я, увы, не успела и решила поехать куда-нибудь. Так сказать, хлебнуть жизни.

Хлебать так хлебать, и я, крепко зажмурившись, ткнула пальцем наугад в список мест, жаждущих заполучить меня в качестве молодого специалиста. А открыв глаза, обнаружила, что кончик указательного пальца лежит как раз на середине населенного пункта с романтически-интригующим названием «Кузьминка».

Не успела я произнести это слово и пяти раз, смакуя каждый звук, привыкая к нему, как за спиной пронесся «метеорит».

Он упал рядом, выдохнув при этом в самое ухо залпом:

– Дашка! Калитина!

Мое тело самостоятельно повернулось на этот вопль и непроизвольно отдало честь:

– Я!

И тут же в меня автоматными очередями застрочило:

– Ты как? Куда решила? А я в городе остаюсь! Папан связи прокрутил и приткнул в тепленькое местечко – буду на областном рынке в лаборатории ветеринарным врачом работать! Блеск!

Из моей подруги Ольги, толкаясь и постоянно перебивая друг друга, вылетали одновременно фразы, слова, междометия и даже целые предложения. Они летели прямо в меня, молниеносно отскакивая, врезаясь в противоположную стену и отскакивая снова. Когда у словесного пулемета Оленьки закончились патроны, я, получив таймаут в несколько секунд, успела все же вставить:

– Кузьминка. Я еду в Кузьминку!

Ольга, быстро справившись с мгновенным оцепенением, заинтригованно затараторила вновь:

– Это что? Пригород, райцентр?

На что я (не надо аплодисментов!) с гордостью ответила:

– Это такая ма-а-а-ленькая деревушка. А до ближайшего райцентра около ста километров. Все!

Пригвоздила без пулемета лучшую подругу к стене. Она вдруг как-то странно замерла, открыв рот. Я, с интересом глядя на нее, засекала время. Одна минута, вторая, третья... Ну хоть бы рот закрыла, а то ведь не зря люди предупреждают насчет любопытной мухи. На всякий случай я все же осмотрелась вокруг, не жужжит ли кто. Жужжания поблизости не наблюдалось.

Я Ольгуню, конечно, понимала – мы с ней девушки сугубо городские. Понятие «деревня» у обеих ассоциировалось разве что с дачей. Мы считали, что в сельской местности живут какие-то совсем особенные, удивительные люди, почти как инопланетяне. Поэтому реакция моей подруги была абсолютно ясна: надо же, человек, которого она знает с детства, собрался полететь практически на другую планету или галактику, чтобы у братьев по разуму лечить зверье.

После того, как Ольга все же вышла из ступора, первым жестом, продемонстрированным ею мне, был указательный палец, приставленный к виску, который медленно поворачивался вдоль своей оси... Дальнейшее я опущу. Скажу лишь, что в конечном итоге поехала в эту далекую и загадочную Кузьминку. Судьба поволокла меня за собой применять мои институтские, почти полностью теоретические познания в лечении деревенских кошек и собак. Или кого покрупнее.

Это было лето 1988 года. ...Под монотонный стук колес приходит полное расслабление, и веки постепенно наливаются свинцовой тяжестью. Я засыпаю. И вдруг – грохот, звон разбитого стекла и резкое торможение поезда. Мое тело срабатывает молниеносно, быстрее засыпающей головы. Я машинально хватаюсь за какую-то выпуклость и лишь чудом не сваливаюсь вниз.

Когда все стихло, и суматоха слегка улеглась, выяснилось, что поезд ради забавы обстреляли местные недоросли. Увесистые камешки весьма метко попали в кабину тепловоза, в купе к проводнику нашего вагона и в мое окошко, прострелив в нем солидную дыру. И лишь благодаря «занавеске», заблаговременно сооруженной с большим усилием, многочисленные осколки стекол не свалились на мою грешную голову...

Состав останавливается. Разбуженные и напуганные пассажиры как муравьи выбирают из подверженного «бомбардировке» поезда. Я следую их примеру, машинально прихватив свою единственную сумку, где лежат документы и вещи, и привычно водрузив ее на правое плечо. Вдруг воцаряется необычная тишина. Слепая. Глухая. И – непонятная. Кажется, что даже воздух внезапно замер на полуслове.

Я выхожу наружу, вдыхаю июльский жаркий аромат и бреду бездумно вдоль остановившегося состава.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я шла и шла, абсолютно не замечая, что вагоны остались далеко позади. Ощущалась какая-то отрешенность. Это отчего-то со мной иногда случается. Вдруг немного в стороне я увидела какой-то странный свет с сиреневым оттенком. Любопытство в моем случае всегда берет верх над осторожностью и благоразумием. Словно замороженная, я побрела туда. Когда казалось, что до сиреновой загадки осталось всего пара километров, я вдруг уперлась в стену.

Как интересно: стою посреди поляны, а передо мной тяжелая каменная дверь, ведущая в... «Так-так, а за дверью ничего нет? – пронеслось молнией в моем озадаченном мозгу, – А зачем тогда дверь? Как зачем? Двери создают для того, чтоб их открывать или закрывать. Раз МОЯ дверь закрыта, значит, можно ее открыть!» Что я тут же и сделала, совершенно не задумываясь над тем, что это может быть ЧУЖАЯ дверь и чем может обернуться мое неумное любопытство.

От небольшого касания ладони массивное сооружение плавно раскрыло свои объятия. «Ну и ну, – подумала я, – как легко и бесшумно отворилась эта каменная глыба!» Изнутри полился тот самый сиреневый свет. Он был таким теплым и гостеприимным, и так манил, так

манил... Я, опять же особо не утруждая голову и игнорируя здравый смысл, уверенно устремилась внутрь. И... Ничего не увидела, кроме той самой поляны, на которой только что была. А дверь за моей спиной тяжело вздохнула и медленно, словно удав на привязи, самостоятельно закрылась.

«Интересно», – помню это единственное слово, тупо пульсировавшее в моей голове. Ничего не понимая, я смотрела и не верила в то, что видели мои глаза. Я стояла на том же месте, где еще совсем недавно мой злополучный поезд был обстрелян несносными мальчишками. Только поезд отчего-то выглядел совсем иначе: вместо привычной цепи облезлых, цвета усыхающего болота, громоздких, железных, скрипучих монстров-вагонов, передо мной стоял совершенно потрясающий, будто с картинки, кукольный состав. Вагоны были разноцветными, абсолютно немыслимых и неопишуемых оттенков, которые наносились на них каким-то очень веселым художником. Вместо привычного железа вагоны состояли из сплава, похожего на что-то среднее между пластиком и стеклом. Предводителем этих чудо-вагончиков был венец человеческой мысли, элегантности и совершенства, который ни тепловозом, ни электровозом не назовешь. Это было нечто, напоминающее одновременно ракету и подводную лодку, стоящее на маленьких зубчатых колесиках.

На этом мои умозаключения бесцеремонно прервали:

– Девушка!

«Это мне, что ли?»

Миловидная проводница в сногшибательном элегантном костюме, словно только-только сошедшая с подиума, обращалась действительно ко мне, поскольку рядом больше никого не наблюдалось.

– Девушка! – вновь окликнула красавица. – Что же вы стоите? Сейчас поезд тронется. Заходите в вагон. Или хотите, чтобы уехали без вас?

Без меня? Нет, не хочу! Я в одно мгновение взлетела по удобным чистым ступенькам и вошла внутрь. Двери вагона тут же бесшумно закрылись, и состав медленно поехал дальше. Ничего себе «медленно». Это я поторопилась с определением. Беглого взгляда в окно было достаточно, чтоб понять, что летел наш составчик с огромной скоростью, которая внутри почему-то совсем не ощущалась.

Я вошла в купе, куда меня любезно проводила вагоновожатая, и решила сразу же лечь спать, разумно сообразив, что это будет наилучшим завершением сегодняшнего странного дня. Наверное, все это – только сон. Прекрасный и необычный. Сон... Вот проснусь утром в своем скрипящем и дребезжащем всеми внутренностями, давно изъездившим свой срок вагоне.

На верхней боковухе, где привычно будет витать стойкий запах туалета вперемешку с ароматом мятной зубной пасты и прогорклой копченой колбасы, разбавленный кофейным суррогатом...

...Солнечный зайчик упрямо скачет по одному и тому же маршруту: глаз – лоб, глаз – лоб, глаз – лоб. Пора просыпаться. Открываю глаза... Что это? Я ведь уже проснулась! Почему мой сон продолжается до сих пор? Но человек не может спать с открытыми глазами и взбелевнившимся разумом одновременно!

В эту минуту дверь моего одноместного купе бесшумно открылась, и вчерашняя красавица, обворожительно улыбаясь, произнесла:

– Девушка, просыпайтесь! Ваша станция через полчаса! Ваш завтрак!

И она поставила на мой столик потрясающе пахнущий кофе с парочкой восхитительных бутербродов. Я оглянулась. Кроме меня в этом пространстве больше никого не наблюдалось. А это значит, что завтрак МОЙ, и через полчаса МОЯ станция. Только теперь я заметила в своем купе еще одну дверь, в которую с любопытством первооткрывателя конечно же заглянула. Потрясающе... Передо мной была индивидуальная ванная комната. Что за бред? Если это сон, то почему я не могу проснуться? А если нет? Так, спокойно, Дашутка, без паники. Я – это

я. Еду в этом купе. Нужно просто спокойно во всем разобраться. Уверена, всегда всему найдется разумное объяснение. Для начала – я еду в Кузьминку. Скоро моя станция. Проводница знает об этом, и поэтому меня предупредила. Логично? Да. Что остается? Дальше ехать туда, куда я еду, и делать то, что покажется необходимым. Бред бредом, а жить дальше как-то надо!

С такими оптимистическими мыслями я в положенное время (четко по расписанию!) сошла со своего удивительного поезда на землю, вернее, на перрон захолустной станции. То есть я думала, что она должна быть таковой. А на самом деле... Что это? Куда же опять меня занесло? Вместо Богом забытого кратковременного приюта поездов и немногочисленных пассажиров я оказалась в довольно причудливом месте.

Здание вокзала представляло собой довольно забавную трехэтажную башенку, сооруженную, похоже, из того же материала, что и мой вагончик. Первый этаж синий, второй желтый, третий зеленый. Перрон встретил меня не старыми разбитыми плитами с торчащими из них кусками взбесившейся арматуры, а наоборот, красиво выложенной, как в метро, ровной поверхностью. Платформу окружали аккуратно подстриженные кустарники и деревья. Определенно знакомая мне сирень, акация, ели, и что-то очень напоминающее... И клумбы! Боже, что за цветы на них росли! Невообразимой красоты и ароматов! Казалось, никакие самые изысканные духи из Парижа не в силах даже на капельку передать, перебить и затмить этот запах.

Уверенной походкой я вошла в здание вокзала, вернее, в синюю его часть. Едва за мной бесшумно закрылись двери, как из динамика раздался приветливый, почему-то мужской голос:

– Здравствуйте! Вы прибыли на станцию Кузьминка! Уважаемые пассажиры! На центральном табло ознакомьтесь с расписанием маршрутных автобусов и временем их отправления. Доброго пути!

Я мысленно поблагодарила незнакомца и подняла голову вверх. Действительно, прямо перед глазами висело светящееся табло с указанием времени отправления и маршрута автобусов. Так, Кузьминка. Ближайший рейс... через десять минут!

Уверенным шагом я отправилась на автостоянку, где, по моему глубокому разумению, должен был ожидать меня вождественный автобус. На пристанционной площадке ровными рядами стояли «маршрутки». Вернее, нечто среднее между автобусами и летательными аппаратами. Небольшие автобусики, чем-то весьма отдаленно напоминающие наши вечно разбитые «газельки». Овальной формы, опять такой же полупрозрачный цветной пластик с красочной табличкой на «лбу»: «Кузьминка». Кроме водителя и меня, в салоне ожидали поездки еще два пассажира: суевливая бабуля с корзинкой на коленях и девушка.

Из бабулиной корзинки то и дело пытался выскочить маленький шилоподвижный козленок, которого хозяйка всю последующую дорогу усаживала на место. Козленок этого явно не хотел и резво сопротивлялся. Что же касается девушки, создавалось впечатление, что это юное создание прошло варку в котле. При всех ее данных (аккуратная стройная упругая фигурка, правильные черты лица) левая сторона была изуродована так, что невольно при взгляде на нее я отводила глаза в сторону. Ухо, щека, шея, рука, и, вероятно, все, что скрывалось под одеждой, носило следы давнего и сильного ожога. Зная о своем недостатке, она старалась поворачиваться к предполагаемому собеседнику правой стороной, левую часть лица при этом машинально прикрывая рукой и длинными волосами.

Заплатив водителю за билет (странное дело, он взял мои «не ихненские» купюры, не моргнув глазом), я заняла свое место и почувствовала, как наша маршрутка двинулась в путь. Лес как лес. У нас такой же. Такие же расщелины с двух сторон на соснах в виде соприкоснувшихся стрел (здесь, видимо, деготь тоже получают из смолы). Так же разухабисто и разноголосно поют птицы. Такое же синее-пресинее небо с белыми ватными облаками, плывущими вдогонку за нами и ветром. Только не было видно сломанных и наваленных деревьев – нашего обычного российского «бурелома». И дорога представляла собой не волны вверх-вниз, вправо-влево, а прямую ровную трассу, покрытую не привычным разбитым на огромные ямы асфальтом или

бетонными плитами, а каким-то материалом, напоминающем смесь песка, мелких камней и чего-то еще непонятного.

Минут через сорок нашего путешествия водитель приятным баритоном произнес: «Уважаемые пассажиры! Через пять минут автобус прибудет на конечную остановку: деревня Кузьминка! Приготовьтесь к выходу!» И действительно, ровно через пять минут и не секундой позже мы уже въезжали в пункт назначения. Не обманул!

Меня когда-то в детстве возили к родственникам в деревню. С тех пор в моем понимании деревня – это старые избушки, доведенные до отчаянной крайней точки неумолимым временем, и притулившиеся к ним черные полуразвалившиеся сараи. Безразмерные огороды, засаженные картофелем. Упирающиеся боками в постройки кособокие теплицы с огурцами и помидорами.

Гордость любого деревенского жителя – хлев, заходя в который каждому среднестатистическому мужчине приходится низко кланяться, чтобы не заполучить солидную шишку на голове от дверного косяка. И, разумеется, совершенно разношерстная компания обитателей этого жилища: корова, теленок, овцы, куры, свиньи, кролики, кошки, собаки и крысы – ну как же без них?

Сама деревня состоит из двух-трех улиц, которые никогда ничего кроме глины, грязи или в лучшем случае песка не покрывало. Ни щебня, ни асфальта. И вообще, мне кажется, что деревенские дороги даже не подозревают, что это такое. И не только деревенские. Вот примерно такую деревню я себе и представляла. А тут – ровные ряды красивых, словно игрушечных, домиков как на параде выстроились в линейку. Рядом с ними отчего-то не оказалось бесконечных картофельных огородов и теплиц с рваной пленкой, залатанных бесцветным скотчем.

Возле домов – аккуратные зеленые лужайки, буйство всевозможных цветов немыслимых раскрасок, красиво подстриженные кустарники и деревья: яблони, вишни, сливы, абрикосы и еще что-то совсем непонятное, но судя по внешнему виду и благоухающему аромату, весьма вкусное и полезное.

Ну и ну! У нас на севере!

Я без труда нашла нужное мне здание с вывеской «Ветеринарный пункт» и вошла в помещение. Обстановка внутри него оказалась круче, чем в нашей институтской клинике. Главврач – импозантный мужчина средних лет в фиолетовом костюмчике с множеством разнокалиберных карманов – выслушав меня, мгновенно представился: Тимофей Тимофеевич. И только он хотел продолжить разговор, как вошла та самая девушка с ужасными шрамами на лице и теле. Немного растерялась, явно узнав меня, но быстро взяла себя в руки, мило улыбнулась и произнесла: «Прасковья. Я помощница Тим Тимыча, и, соответственно буду Вашей помощницей тоже».

Меня немного обескуражило это ее фамильярное «Тим Тимыч» в присутствии самого начальника. Но, судя по полнейшему отсутствию какой-либо негативной реакции с его стороны, в этом не было ничего непозволительного. Прасковья оказалась вполне общительной и интересной девушкой.

Она охотно и с азартом увлеченного своей работой человека показала все закоулки ветпункта и проводила к моему новому жилищу. Кстати, оказалось, что с Прасковьей мы еще и соседки.

Симпатичный одноэтажный четырехкомнатный домик со всеми необходимыми цивилизованными удобствами стал и моим временным пристанищем. Только вот насколько временным?

Я лежу в весьма удобной постели. Веки вот-вот устало сомкнутся после самого необычного дня в моей жизни. А мысли в голове наперебой бомбардируют сознание непонятными вопросами, ответов на которые просто нет.

Где я? Разве место, где сейчас нахожусь, похоже на глубинку севера нашей необъятной Родины конца восьмидесятых годов двадцатого века? Что это? Сон? Нет! Где я?! Ответ, как это ни глупо, необъяснимо, невозможно, парадоксально, напрашивается один: я в параллельном мире. Несмотря на мнение многочисленных скептиков, он все же, оказывается, существует. Но как меня сюда занесло? И как отсюда выбраться? Все.

Спать. Все... Сплю... Завтра. Все завтра...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

...Утро солнечным зайчиком сначала вонзилось в мое подсознание, затем с упорством серого зайца несколько минут долбило неокрепшее сознание, пока я нехотя открывала глаза. Потом еще немного времени подсознание все же вело неравную борьбу с пониманием произошедшего, пока я окончательно не проснулась. Итак, подведем итог: я в параллельном мире, и, как ни странно, меня здесь ждут. Соответственно, пора идти на работу.

Словно медлительная улитка, сползла с постели, совершила все необходимые утренние процедуры, я пошла на кухню. Это столь необходимое помещение в нашем жилище найти было нетрудно: я, словно кошка, просто шла на запах. О! Этот запах! Это было нечто упоительное!

На очень уютной домашней кухоньке за небольшим столиком восседала довольная Прасковья. В центре стола красовалось огромное блюдо со всевозможными знакомыми и незнакомыми мне фруктами. Рядом, в тарелках поменьше, нарезанные тонкими ломтиками лежали сыр, колбаса и хлеб. А причудливый кофейник источал тот самый чарующий запах только что сваренного ароматного кофе.

– Доброе утро! – дружески заискивая, произнесла я.

Прасковья посмотрела на меня и улыбнулась. Все! Отчего-то сразу испарились уродовавшие ее шрамы. Исковерканная ожогами кожа теперь совсем не бросалась в глаза. От ее взгляда меня окатило сверху донизу таким добром и светом, словно передо мной сидела не обычная девушка, за плечами которой прочно и надолго поселилась беда, а ангел, по неизвестной причине спустившийся с небес на маленькую кухоньку.

– Привет! Что стоишь в дверях, как неродная? Проходи, садись. Ты как раз вовремя. Сейчас позавтракаем и пойдем на работу.

Отведав превосходный завтрак с моей новой, надеюсь, подругой, я оптимистично отправилась на «службу». Прасковья действительно оказалась и моей помощницей тоже. Настоящей. Во всех смыслах этого слова. Что ж, это радует – первое впечатление не подвело. Она закончила не пять курсов ветеринарного факультета как я, а три. Там, где Прасковья училась, была другая система образования. Вместо нашей обязательной «пяtilетки» можно было проучиться всего три года и получить корочки, но не врача, а помощницы врача – бакалавра. Кроме того, выяснилось, что девушка уже три года живет и работает здесь. А главное, вполне довольна жизнью, и по-своему счастлива.

Прасковья вошла в кабинет, доставшийся мне в наследство от предшественника, недавно вышедшего на пенсию. В шкафу, кроме ветеринарных справочников, лежала аккуратно сложенная спецодежда, которая оказалась абсолютно впору! На мой удивленный взгляд девушка невозмутимо ответила, что когда пришло сообщение о моем приезде, там кроме всех необходимых сведений была и информация про параметры нового доктора. Круто, ничего не скажешь!

Интересно, рассказать всем сейчас, что я не туда попала, и вообще, что не та, или разоблачиться позже? А надо ли?! Но чем дольше я общалась с этими людьми, тем больше убеждалась в том, что здесь ждали именно меня. Точно меня, Дарью Калитину. Может, есть другая такая же Дарья Калитина, с которой мы где-то случайно поменялись местами? Я здесь, она там... А где там-то? И где здесь? Правда, в отличие от меня, ей явно не позавидуешь. Наш мир не так приветлив и комфортен, как этот. Все с точностью наоборот. Или почти... Представляю, в каком шоковом состоянии она находилась после осознания того, что не туда попала! Потом,

наверное, прошла такой же этап полусумасшествия. Уверенности в нереальности происходящего. Затем... Я-то из разрухи в рай, а она? То есть я, конечно...

А впрочем, сейчас я, не задумываясь, поменяла б весь этот рай на милый, старый, облезлый дом моих любимых родителей. И весь этот сладкий быт на тот. С его неурядицами и бездорожьем. Полупустыми полками во всех без исключения магазинах и всем остальным. Что поделать, я – дитя Своего Времени, и отчаянно, не смотря на все это благополучие, хочу Туда. А она, если действительно похожа на меня, тоже, наверное, рвется обратно.

Еще немного поразмышляв, я решила действовать по обстоятельствам. Жить как живется, пока что-нибудь не прояснится само собой. А там видно будет. Как вернуться в свою «параллель», да и где она теперь, я все равно тогда не знала...

Прасковья познакомила меня с документацией, которую теперь мне предстояло вести. Она показала лабораторию, которая и вовсе мало чем напоминала то, что в моем представлении обозначало это слово. Лаборатория была небольшая, овальной формы, цвета спелого лимона, в виде «капсулы», обставленной всевозможными приборчиками, на каждом из которых ярко светился голубоватый дисплей. Что ж, мне предстояло освоить и эту чудо-технику.

В этот момент дверь стукнула, скрипнула и распахнулась. Пред моим взором предстала миловидная, опрятно одетая в костюмчик, похожий на мой, женщина средних лет.

– Здравствуйте-здравствуйте, – приветливо поздоровалась незнакомка, – слышала-слышала, что новый доктор приехал, вот и зашла познакомиться.

Прасковья, стоявшая рядом, улыбнулась и представила нас друг другу.

– Наш новый врач Дарья Калитина, а это младший помощник Агриппина Ивановна! Теперь ты знакома со всем персоналом, осталось представить только четвероногих и четверолапых.

Я с легкой иронией восприняла эту фразу. А зря... Прасковья невозмутимо повела меня дальше. В самом конце здания находилось еще одно помещение, табличка на двери которого четко указывала, что внутри: «Стационар». Не успели мы открыть эту дверь, как на голову мне упала... меховая шапка. Но было не больно – шапка мягко растеклась по моим плечам и обняла своими лохматыми пушистыми лапами, обхватив при этом и шею.

– Кекс! Ты опять хулиганишь? – с этими словами Прасковья нежно сняла с меня «шапку». Это был огромный пушистый белый кот ангорской породы. На секунду мне вдруг показалось, что, когда помощница снимала кота, тот лукаво мне подмигнул. Машинально подмигнула в ответ.

– Кот не очень тебя напугал? – участливо спросила моя спутница, – Кекс местный абориген. Под его охраной и присмотром находятся все обитатели стационара.

И только тут я увидела, что действительно нахожусь в самой настоящей «больничке». В многочисленных вольерах и клетках сидели две кошки, три собаки, один петух, кролик, морская свинка и... огромный козел. Единственный, кто не проявлял к нашему визиту совершенно никакого интереса. Он медленно и задумчиво жевал сено, абсолютно поглощенный этим важным занятием. Всем своим видом рогатое создание демонстрировало, что кроме этого великолепного сена его ничто и никто на свете не интересует. Вся же остальная братия, наоборот, довольно активно отнеслась к нашему визиту.

Кошка, на клетке которой красовалась вывеска с гордым именем Пелагея посмотрела в мою сторону внимательным, презрительно-изучающим взглядом, непроизвольно подняв большую лапу. Вторая кошка Фрося, одетая в цветастую попонку, нервно распушила рыжий хвост, округлив при этом и без того огромные, желтого цвета глаза. Собаки Трезор, Тузик и Измора внимательно изучали меня, синхронно открыв пасти и высунув наружу длинные алые языки, демонстрируя явное любопытство. Кролик Фома неожиданно сделал стойку на задних лапах, а передними стал неистово барабанить по боковой стене клетки. Морская свинка с причудливой кличкой Клеопатра вдруг резким, совершенно не свойственным ее сородичам движением,

взбрыкнула задними лапами вверх. И только петух Сеня с пластырем на голове вместо привычного гребешка, как мне показалось, совершенно удивленно пропел: «Кы-кыкы-кто ты? Кто?»

И тут в мой, еще не окрепший от пережитых накануне потрясений мозг, вдруг полетело со всех сторон. От Трезора:

– Смотрите-ка братья, еще одна. Явилась – не запылилась! Ждали ее, как же! Нужна она здесь! Как же! Своих хватает! Тузик ему в ответ:

– Да она ничего вроде, сосед! И пахнет интересно! Гавввв!

От этого неожиданно звонкого «гавввва» мою голову тряхнуло словно от удара. А Измора тем временем нагло-издевательским тоном заявила:

– В нашем дамском семействе прибавление, вау! Кролик Фома фыркнул:

– Лишь бы кормить не забывала, как та лахудра.

Кошки Пелагея и Фрося в унисон зашипели:

– От нее запах не тот, не тот, фыр-р-р.

И лишь свинка Клеопатра и козел Боря мне польстили:

– Привет! Привет! А ты ничего, нравишься! Познакомимся потом, сейчас мы заняты – едим! Да ладно, не смущайся, мы ж больные! Чего на нас обращать внимание? Заходи вечером, поболтаем. Мы хорррошие-е-е!

Совершенно ошалев от переизбытка немого многоголосья, я тупо уставилась на Прасковью, ожидая от нее объяснения и комментария. И вдруг с удивлением поняла, что моя спутница ВСЕ ЭТО тоже слышит, понимает, ласково глядя на своих подопечных, машинально при этом кивая на каждую реплику. Что ж, значит, я еще не совсем сошла с ума или сумасшедшая не я одна. В любом случае, варианта два. А может сумасшествие является здесь вполне приемлемой нормой? Может, это не диагноз?

В течение всего дня мы с Агриппиной Ивановной и Прасковьей занимались рутинной – вели в смотровой прием шедших нескончаемым потоком всевозможных животных в сопровождении их хозяев. Именно так, а не наоборот. Потому что животные свободно, закрыв клювы и пасти, общались между собой, с хозяевами, Прасковьей, Агриппиной Ивановной, при этом меня игнорируя совершенно. И осмотр их был благодаря этой разговорчивости одновременно проще и сложнее того, что мне доводилось проводить на преддипломной практике в институтской клинике.

С одной стороны, не надо было ломать голову, бесконечно пытая владельцев вопросами «Что?» «Когда?» «Как?» «Сколько?» Эти лохмато-пернатые существа сами вполне вразумительно докладывали, что с ними стряслось, где болит, когда заболело и при каких обстоятельствах. Оставалось только провести их осмотр, необходимые исследования в нашей лаборатории, поставить точный диагноз и назначить лечение.

И только «мелочь», так называемый детсад, выделялись: «Я еще котенок, не помню, отчего у меня эта ранка», или: «Разве трудно понять, откуда у меня, щенка, на языке взялся рыболовный крючок?»

К концу первого рабочего дня у бедного новоиспеченного доктора, то есть меня, от усталости и невообразимых впечатлений «отваливался хвост и болели лапы». Потому что себя я уже ощущала курицей, собакой, котом, козой, кем угодно, только не человеком. Весь день галдящая меньшая братия довела меня до осознания полного абсурда, перемешанного с невозмутимой и естественной реальностью.

В первый мой самостоятельный врачебный день я была в роли помощника у моих настоящих помощников – Прасковьи и Агриппины Ивановны. Они меня потом еще долго учили азам профессии, ни разу не упрекнув в том, что я чего-то не знаю или не умею. За что я искренне им благодарна до сих пор. Главврач Тимофей Тимофеевич, или просто Тим Тимыч, как звали его все – и люди, и животные, заглянул к нам лишь под конец рабочего дня.

Удостоверившись, что все в порядке и новый доктор вполне справляется со своими обязанностями, он также молниеносно исчез, как и появился. Унесся по своим очень важным делам в неизвестном направлении. Последним аккордом дня стал обязательный вечерний обход больных, находившихся в стационаре.

Едва открыв знакомую дверь, я уже почти совсем не удивилась, ощутив на своей голове растекшуюся живую «шапку», саркастическая ухмылка которой опять заняла свое привычное место на морде. Конечно же, первым был осмотрен этот белоснежный красавец. И моя опытная помощница произнесла фразу, которая, как мне показалось, шокировала нашего невозмутимого кота:

– Все, Дашка, кот полностью здоров. Рваные раны на шее зажили. В области перелома локтевой и лучевой костей образовалась костная мозоль, и теперь этот пациент готов на выписку. Завтра...

– Кккуда, – молча «произнес» обалдевший кот, – ккккуда, подруга, я двинусь? Сдурела? К этой сыр-мыр ненормальной старухе Фекле? К ней я жить больше не пойду! Мыр, мыр!!! Ну и ладно, выгоняйте Кекса на улицу! Пойду бродяжничать!

В лесу буду жить! Найду себе ворон! Мыр-мыр! А потом погибну в борьбе с каким-нибудь диким хорьком за кусок хлеба! Мыр-мыр! А вы обнаружите меня, когда снег растает, и будете жалеть, что выписали из больнички такого дивного кота, да поздно будет... Мыр-мыр!

«Ничего себе, – пронеслось в моем еще не окрепшем до конца мозге, – при чем здесь вороны? И снег, который выпадет только через несколько месяцев?!» «А он мне нравится, – втерлась в голову уже более уверенная мысль. – А, может, взять его к себе?»

– Правильное решение, – тут же нахально отозвался еще минуту назад готовый к смерти в лесу от когтей дикого хорька кот. Мы молча переглянулись с Прасковьей и, не сговариваясь, обреченно произнесли вслух:

– Берем!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тот вечер, первый вечер моего трудового «подвига», был действительно потрясающим: осознание того, что я действительно Доктор, и диплом в кармане уже не просто картонная бумажка, грело душу. А еще эта милая кухня... Мы с Прасковьей пили чай с вкусными булками, которые заботливо, по-матерински сунула нам напоследок Агриппина Ивановна. И даже белоснежный Кекс, нагло развалившийся на моей кровати, предварительно опустошив наполовину наш холодильник и набив свой необъятный желудок, уже не казался таким беспардонным нахалом. Через открытое окно пробирался легкий летний ветерок, ласкал наши лица и нежно трепал волосы. Он, казалось, тихо, полупшепотом, напевал свою мелодию, которая, взлетая вверх, мягко опускалась на колени и там полусонно дремала... Хорошо!

А мы, уже давно перешедшие стадии «едва знакомы» – «хорошо знакомы» – подруги – закадычные подруги, болтали обо всем. Не таясь, я рассказала Прасковье о своей жизни. О себе, о моих друзьях, об институте. Обо всем, кроме того, что очутилась... немного не там, куда меня распределили на работу. Все же не до конца утратив зрелые части рассудка, я понимала, что об этом пока нельзя говорить никому, даже коту Кексу. Со своим «сумасшествием» я должна сначала разобраться самостоятельно, не впутывая в это дело моих милых людей и животных. Моя новая подружка довольно охотно поделилась историей своей непростой жизни. Знать бы мне тогда, как она связана с моей, переплетена изначально...

Прасковья рассказала о своей жизни откровенно все или почти все. Когда временами подруга перескакивала через это «почти», на ее лице невольно проявлялась тень прошлой боли, драмы, которая тревожила и дергала за невидимые нити до сих пор.

– Прасковья, – я неосознанно поняла, что должна сейчас задать именно этот вопрос, а моя собеседница подсознательно ждет его от меня, чтобы ответить, – Расскажи, откуда у тебя этот шрам? Не сочти за бесцеремонность, но...

Девушка на минуту замерла в нерешительности, словно раздумывая, и внимательно посмотрела на меня. Еще сомневаясь, вдруг отчаянно махнула рукой, точно готовясь к прыжку с обрыва в бурную реку, и сдавленным голосом произнесла:

– Ладно, Дашка, слушай. Мне почему-то кажется, что именно тебе я могу рассказать все. А дальше вместе решим, что делать. Я уже говорила, что сирота, и, кроме меня самой, других родственников нет. Больше нет... Но они были. Все: папа – он был тоже ветеринарным врачом, настоящим профессионалом. К нему даже заграничные коллеги часто приезжали, консультировались. Была мама. Она работала младшим помощником папы. Сколько себя помню, родители относились друг к другу с большой любовью и нежностью. С первой их встречи и до последнего дня. Всю их недолгую совместную жизнь. А по праздникам и выходным в нашем доме всегда были гости и пироги. Знаешь, запах этих пирогов до сих пор помню! Он залезал во все комнаты и углы. Папа садился на стул посреди гостиной и, взяв свой аккордеон, играл так, что от грустных песен выворачивало душу наизнанку, а от веселых ноги сами пускались в пляс. А мама лихо отплясывала и пела разухабистые частушки! Еще – бабушка Ньюша. У нее были добрые, мудрые глаза. Она часто сажала меня на колени и долго-долго рассказывала удивительные сказки. Только потом, повзрослев, я поняла, что это были не просто сказки... Бабушка Ньюша готовила меня к КРЕСТУ. Это она так постоянно говорила: к КРЕСТУ. Но какой это КРЕСТ и к чему надо быть готовой, я так и не успела ни понять, ни узнать. Наверное, это что-то очень важное. Но что?

На этом месте Прасковья печально вздохнула, на минуту задумавшись о чем-то своем, сокровенном, словно решаясь на что-то еще. Затем, видимо все же решившись, как-то отчаянно тряхнула головой и продолжила свою грустную историю, воспоминания о которой даже спустя много лет вновь бередили душевные шрамы.

– Уже много позже, когда выросла и осталась одна, я многое узнала о Ньюше и папе с мамой. ...Это было обычное июльское утро, особенно ничем не отличавшееся от других. Мне тогда едва исполнилось пять лет, но тот день остался в памяти, как фотография. Помню все до мелочей: жару, счастливые лица родителей и отчего-то озабоченное – бабы Ньюши. Наверное, она все же что-то предчувствовала. Родители в то утро пошли с ней на болото за морошкой. Это была любимая ягода в нашей семье. А какие баба Ньюша пекла пироги с морошкой! Их вкус до сих пор помню. Меня, естественно, с собой не взяли – по болотам ходить пятилетней девочке все же не очень удобно. Помню как после ухода из дома близких внезапно почувствовала в груди необъяснимый холод. Это в тридцатиградусную жару! Я оделась потеплее, забралась на лежанку русской печи и незаметно для себя уснула. А в это время погода внезапно испортилась: откуда-то на небе появились огромные черные рваные тучи. Заискрились, словно пронизывая землю, многочисленные молнии. Одна из них попала в наш дом, и он, словно спичка, мгновенно вспыхнул.

Баба Ньюша уже возвращалась в деревню, подходила к околице, когда увидела языки пламени. Бросив корзинку с оранжевыми ягодами на землю, она кинулась со всех ног на огненное марево. Дом горел, словно факел, а внутри была я... Рядом, точно парализованные, прикованные к земле, стояли, даже не пытаясь сдвинуться с места, растерянные соседи. И только баба Ньюша, накинув какую-то мокрую тряпку на голову и опрокинув на себя ведро колодезной воды, опрометью бросилась в горящий дом... Она сразу нашла меня, быстро схватила на руки, бросилась наружу. В этот момент крыша обвалилась... Почему нас не завалило – не знаю, это чудо какое-то. В ту минуту, когда стоящие у дома люди уже молча молились со скорбными лицами за наши души, баба Ньюша живым факелом выбежала со мной на руках наружу. Оцепенение со стоящих рядом людей внезапно спало и они, суетясь, словно большой муравейник,

стали быстро тушить дом. Одни схватились за ведра, багры, пытаюсь спасти то, что осталось. Другие одеялами «тушили» нас, оказывали первую помощь.

Потом была больница. Я обгорела очень сильно, но чудом выжила. А баба Ньюша... Моя любимая баба Ньюша жила еще только три дня. И, видимо чувствуя свой конец, попросила медсестричку принести меня к ней, попрощаться. Я была еще слишком слаба, говорить не могла, но слова моей бабушки слышала четко, и они врезались в мою детскую головку навсегда. Баба Ньюша рассказала, что когда они с моими родителями пошли на дальнее болото за морошкой, случайно забрели на странную поляну, которой в лесу никогда раньше не было. На ней росли вроде обычные цветы, стояли обычные деревья. Но... листья на деревьях и лепестки на цветах, как, впрочем, и сами цветы, не шевелились. Вообще! Бабочки тоже не летали, птицы не пели. Там стояла такая непривычная, не лесная, абсолютная тишина, все будто замерло и заглохло. А посреди поляны была массивная каменная дверь.

Каким-то непонятным образом баба Ньюша почувствовала, что, несмотря на безудержную тягу к двери, ТУДА идти нельзя. И вдруг ее, как цветы на поляне, сковало холодом неподвижности. Словно парализовало. В ту минуту она все видела, слышала, понимала, но ни остановиться, ни окликнуть своих близких, идущих в неведомое, не могла. А родители мои между тем, словно ничего не замечая вокруг, подошли к каменной двери и легко открыли ее...

Изнутри, баба Ньюша увидела это совершенно четко, лился нежный сиреневый свет. Мама и папа зашли внутрь, свет померк, дверь плавно закрылась и исчезла вместе с людьми. В то же мгновение вдруг откуда ни возьмись налетел сильный ветер. Поляна моментально ожила, листья и цветы послушно покорялись ветру, изгибаясь и трепеща во все стороны. С бабы Ньюши оцепенение тоже спало, и она со всех ног кинулась к дому, словно предчувствуя беду...

Уже подбегая к деревенской околице, она увидела молнию, которая, лишь на миг озарив раскаленной иглой летнее небо, точным ударом смертоносного копья вонзилась в наш дом. Так я в один день потеряла родителей и дом. Да и бабушки вскоре не стало. Но самыми странными были последние Ньюшины слова. Тут Прасковья как-то странно на меня посмотрела, видимо оценивая отношение к услышанному. Не принимаю ли я ее за сумасшедшую, которой в период обострения просто дают возможность выговориться, прежде чем запихнуть в психушку? Но, очевидно, не прочитав на моем лице ничего, кроме искреннего, неподдельного сочувствия и абсолютного доверия к ее словам, девушка продолжила свою грустную историю. – Баба Ньюша сказала, что... В общем, наш род по женской линии не совсем обычный. У нас всегда рождаются только девочки, по одному ребенку в семье. Но самое важное то, что через поколение, от бабушки к внучке, передаются кое-какие способности. И именно благодаря им бабушка, несмотря на непреодолимый, магнетический зов двери, не пошла вслед за родителями. Ее словно невидимой рукой остановила неведомая сила. Сама-то она осталась, но родителей моих остановить ей было неподвластно.

Внезапно Прасковья осеклась, вновь задумчиво взглянув на меня. А потом вдруг едва слышно произнесла, будто кто-то смог нас услышать:

– А может, это и есть КРЕСТ? Те самые необычные способности, которые передаются через поколение от бабушек к внучкам? Может быть... Может быть. У девочек, про которых говорила баба Ньюша, есть характерная отметина – маленькая родинка в виде креста на запястье левой руки.

Прасковья глубоко вздохнула и произнесла почти полупрошептом:

– Больше баба Ньюша ничего не успела сказать. Она умерла. Повзрослев, я пыталась неоднократно проверить те способности, о которых говорила бабушка, но у меня это как-то не очень получалось.

– А родинка? – невольно вырвалось у меня.

Прасковья загадочно взглянула в мои глаза и закатала часть рукава, оголив запястье. И тут на ее руке я увидела маленькое родимое пятнышко. Приглядевшись, с изумлением обна-

ружила, что оно действительно напоминает контуры креста. Моя новая подруга задумчиво посмотрела на меня. Ее взгляд, словно рентген, пронзил меня с головы до пяток. По телу, словно живые, побежали, толкаясь во все стороны, мурашки. На мгновение стало немного не по себе.

– Знаешь, я еще никогда и никому не рассказывала ЭТОЙ правды. Для всех остальных история была немножко другой. Родители с бабушкой пошли в лес, на болото, за морошкой. Потом они заблудились. Попали в трясину. Мама стала тонуть. Папа пытался ее спасти. А бабушка побежала за помощью в деревню. В это время началась гроза, молния ударила в наш дом, отчего он и загорелся. А дальше ты знаешь. Поэтому деревенские до сих пор уверены, что мои родители утонули в том болоте. Но я-то знаю, что они живы, и когда-нибудь вернуться ко мне. И... почему-то я, как только увидела тебя, подумала, что Ты им в этом поможешь.

Словно выдохнув самую тяжелую последнюю фразу, Прасковья закончила исповедь. Легкий озноб пробежал по моему еще не совсем отошедшему от всего услышанного телу. А Прасковья между тем внимательно, словно изучая меня снова и снова, невозмутимо продолжила:

– Бабушка Нюша, сколько себя помню, очень часто рассказывала на ночь сказки. Они были странные, эти сказки, не похожи на обычные – те, что рассказывают детям или читают в книжках. Лишь повзрослев, часто и подолгу думая о невероятном исчезновении моих родителей, о бабушке Нюше, о способностях, которые должны передаться мне, я поняла, что это были не просто сказки. Бабушка постепенно вводила меня в мир реально произошедших событий, и тех, которые должны будут произойти. Когда я увидела тебя впервые, то узнала. В одной из этих сказок... была ТЫ.

Прасковья вновь пронзила меня насквозь своим странным взглядом, отчего я окончательно поняла – пора раскрываться и мне. Только ей я могу довериться. Только эта девушка не укажет мне после исповеди на дверь психушки. И вдруг, ошеломленная, я услышала уверенный голос Прасковьи, который даже не спрашивал, а вполне отчетливо утверждал:

– Ты ведь тоже оттуда, верно?

Хорошо, что я в этот момент сидела на добротно сделанном стуле, и не оказалась от неожиданности на полу, потирая ушибленные места. Глубоко вздохнув, я взглянула на прозорливую подругу, и тут, помимо воли, как-то само собой, из меня просто полились слова, которые я вряд ли смогла бы остановить, даже если бы захотела.

Я рассказала моей собеседнице все с самого начала – с момента распределения. Про поезд, обстрелянный камнями, остановку, каменную дверь, сиреневый свет... И опять по кругу с точностью до наоборот: другой состав, другой мир. Не то место, не те люди. А впрочем, почему не те? И места здесь замечательные, и люди...

Слова летели из меня, точно патроны из пулемета. В этот момент я была похожа на мою подругу Ольгу – она так же быстро отстреливалась словами в минуты особого волнения. И только когда я выложила Прасковье ВСЮ историю, мой тараторящий рот захлопнулся сам собой, пересохший, как оазис в пустыне, и заметно уставший.

Тем временем в глазах внимательной слушательницы вместо ожидаемого (ну хоть какого-нибудь) изумления, удивления после моего совсем невероятного бреда, читался полный восторг и... вера. Вера, как это ни парадоксально, в меня. Прасковья молнией ринулась ко мне, заключив обессиленное от неожиданных признаний тело в свои пламенные объятия.

– Дашка! Милая моя Дашка! Я знала, что когда-нибудь ты появишься в моей жизни и поможешь! Ты же не случайно оказалась здесь! Все именно так и произойдет! И вы с моими родителями просто поменяетесь местами. Вернетесь туда, где вы и должны быть – ты там, они здесь.

Нескончаемый поток слов теперь лился из Прасковьи. «Просто, как все просто, – пронеслось в моей голове, – они где-то там, я где-то здесь....»

Подруга, словно прочитав мои мысли, невозмутимо ответила вслух:

– Дашка, это правда очччень просто! Надо только верить! Я буду рассказывать сказки. Все, что вспомню. А потом мы их сложим, словно пазлы, вместе с твоей историей в одно целое плотно, и тогда будем думать. Я полагаю, что ключ ко всему находится именно в сказках бабы Нюши!

...Следующий рабочий день мало чем отличался от предыдущего. С утра состоялась летучка, которую весьма конструктивно провел наш «главный» — Тимофей Тимофеевич. Затем мы с Прасковьей провели плановый осмотр наших стационарных пациентов. Моя помощница тщательно записывала все в журнал: общее состояние, проводимое лечение, динамику и т. д. Справедливости ради надо сказать, что первое время прием животных и все сопутствующие манипуляции осуществляла исключительно Прасковья. А я находилась с ней рядом только в качестве обязательного приложения, абсолютно радуясь этому обстоятельству, просто помогала, смотрела и училась.

Первым на осмотр важной походкой и совершенно самостоятельно вышел петух Сеня. Сеню Прасковья осторожно водрузила на стол, чему он почти не сопротивлялся. Затем одним ловким движением руки моя помощница оторвала пластырь с того места, где у петуха должен быть гребешок. Она сделала это так быстро, что наш пациент только и успел начать возмущение, прервавшись на первой же фразе: «Ко-о-о!» Вместо исчезнувшего пластыря на бороздке моему взору открылся вполне затянувшийся шрам. «Интересно, – подумала я, – и кто лишил этого чудного петуха такой любимой всеми курами шевелюры?»

– К-кто? К-кто? – от неожиданности еще не привыкшая к подобным безголосым разговорам я плюхнулась в стоящее рядом кресло. —К-как к-к-то? – невозмутимо продолжил вопрошать пернатый, – в журнале не смотрела? Тоже мне врач называется. Для особо отсталых повторяю: Викентьевич, хозяин мой, перебрал однажды, и перепутал меня с селедкой. Решил отрезать ей плавники, чтоб не уплыла ку-куда. Я кукарекал деду, как мог, что не селедка, а петух, да он еще и слеп оказался. Р-раз ножичком – и нет моего гребня. Я в долгу не остался. Как к-к-клянул в отместку по лбу. В глаз осознанно не стал, чего старика обижать, зрения лишать – не со зла ведь... Так он от неожиданности подумал, что селедка ожила, в пиранию превратилась, и его покусала. Ку-кареку, сразу протрезвел. Меня схватил, узнал, стал прощения просить и сюда приволок.

Тут Сеня хитровато мне подмигнул и продолжил свою тираду:

– Я, ку-реку, Викентьевича-то простил, он же не с умыслом, не нарочно. А Прасковья с Агриппиной меня выходили, обещали пластиковый гребешок вживить. Говорят, красивей старого будет. А что? Главное, чтоб куры меня признали. А то соседский Фока, пока я тут лечился, прорыл дырку под забором и ну шастать к моим девушкам. Мне, ку-курек, доложили. Вот только вернусь в курятник, так Фоку отделаю... Ку-курек! Не шастай к чужим курам! Не шастай! КУ-ку-рек! Своих займей!

Воинственного и невинно пострадавшего вместо селедки петуха мы с Прасковьей отправили домой, к подслеповатому и глуховатому деду Викентьевичу, обещав «убитому» своей оплошностью старику, что через месяц, когда ранки полностью заживут, пришьем Сене новый пластиковый гребешок. В лучшем виде! И довольный Сеня шел впереди еле семенящего Викентьевича. Гордо шествовал в свой родной курятник. Хозяин возвращался! Куриный гарем уже поди заждался бедолагу.

– Следующий, – звонко крикнула Прасковья.

Агриппина Ивановна внесла Клеопатру, бережно положив ее на смотровой стол. Морская свинка оживленно осмотрелась по сторонам, словно ища кого-то. Прасковья между тем поведала мне историю этого пациента:

– Внеплановая беременность, – деловито начала она, – надо было еще пару месяцев подождать, чтобы организм окреп и восстановился после предыдущих родов, а эта...

– Что «эта»? – возмущенно вклинившись в наш разговор, завопила Клеопатра. – Да если б ты встретила такого как Федька, устояла бы?

«Интересно, – подумала я, – а пациентка действительно подозревает, что человек может не устоять перед чарами морского свина Федьки?»

Клеопатра потупила взгляд и произнесла виновато, явно подслушав мои мысли:

– Тут я это, погорячилась, подруги. Молчу, а вы продолжайте, молчу, молчу...

Прасковья укоризненно взглянула на любвеобильную свинку и продолжила:

– Патроды, три крупных плода, провели в экстренном порядке кесарево сечение. На момент операции все плоды оказались мертвыми. Назначено следующее лечение... В общем, больная готова к выписке.

За Клеопатрой пришла по нашему звонку ее хозяйка, девочка Маша лет двенадцати. Она очень обрадовалась, когда мы вручили ей живую и здоровую свинку. С рекомендациями не подпускать Клеопатру к Федору хотя бы пару месяцев, Маша ушла, пообещав исполнить это предписание. Но перед тем, как за ними захлопнулась дверь, мне все же показалось, что на морде любвеобильной животинки я увидела едва заметную ухмылку...

– Теперь собаки, по одному, – строго повелевала дальше Прасковья. За дверью раздалось радостное троекратное «Гав!», и один из «гавов» тут же ввалился в смотровую. ...Из всех стационарных, кроме Клеопатры, домой были выписаны двое. Первым – пес неопознанной доселе породы по кличке Тузик. Ему сняли гипсовую лангету, сделав предварительно контрольный рентгеновский снимок, из которого следовало, что на бедренной кости правой конечности благополучно образовалась костная мозоль.

Следующей – карело-финская лайка Измора, чье долгосрочное пребывание в стационаре было обусловлено множественными ранами в области шеи и брюшины. Еле живую собаку две недели назад принес ее хозяин – лесник Егорыч. Кто на нее напал, осталось тайной. Даже сама Измора об этом почему-то молчала. После двухчасовой сложнейшей операции, когда ее еще совсем недолгая собачья жизнь была на грани, Прасковья и Агриппина Ивановна, сменяясь, неделю круглосуточно дежурили возле больной.

Теперь Измора встала весьма уверенно на задние лапы, облизав в знак благодарности лица своих спасительниц, приветливо махнула рыжим хвостом и стремглав умчалась к Егорычу, так и не раскрыв никому тайны своей трагедии, приключившейся в ночном лесу.

А вечером немного уставшие, но абсолютно счастливые от нашей благодарной работы мы сидели с Прасковьей на нашей маленькой кухоньке и с удовольствием чаевничали. На третьей табуретке нагло и вполне по-хозяйски пристроился белоснежный Кекс. Прасковья внимательно посмотрела на меня и выдохнув, словно падая на амбразуру стрекочущего огненного дзота, произнесла:

– Сказка. Сказка первая, ты готова?

– Готова, – ответила я, дожевав последний бутерброд, – если ты действительно считаешь, что это нам поможет, готова слушать!

– Ну что ж, – глубокомысленно изрекла Прасковья, – тогда слушай.

...Давным-давно, когда в наших местах еще не было ни деревни, ни людей, жил-был дракон. Был он не высок, не низок, ростом примерно с обычного теленка. Да и внешне похож на него, только вместо привычной для теленка одной головы у него было целых три. И хвост покрыт рыбьей чешуей, будто плавал он часто и долго.

Жил дракон не в замке, а избушке, подобно той, в которой живем сейчас мы. Он был не кровожаден. Питался не людьми или животными, а травой. И, как обычный теленок, дракон любил клевер, красный и белый. Но белый ему почему-то нравился больше. Нрав у него был спокойный. Мужики и бабы из соседних деревень его совсем не боялись, а относились к нему как к соседу.

Живет сосед рядом, зла от него никакого, добра вроде тоже, ну и пусть живет-поживает. Поговаривали, что злить его все же не стоит. И плохое меж собой, людьми, делать тоже не годится. Потому что дракон этот знал секрет особенный. Пригланувшегося человека он приглашал к себе. И люди, не боясь, шли в гости. Потому что понимали: хороший человек придет – одарит дракон его щедро, а плохой. А кто ж про себя подумает или скажет, что он плохой? Каждый человек, живущий со злым умыслом и поступками, плохим себя не считает. Совершая что-то нехорошее, он вовсе не задумывается, что это плохо. Просто полагает, что наказывает другого за проступок, не угодный ему.

Так и шли люди, если звал дракон, не боясь. За хорошее зверь этот благодарил по-царски: то цветок-везунчик подарит, то изумруд-камень на богатство, то луч солнца на любовь.

Как и от кого дракон узнавал, кто хороший, кто плохой – одному ему известно было. Да только никогда, говорят, никогда не ошибался. В общем, исчезали плохие люди. Кто навсегда, а кто и возвращался назад. Те, что появлялись вновь, – через неделю или через год – другими становились. И свет от этих людей шел, словно от солнца или от ангелов. Где они были, что знали, что делали-видели, не рассказывали никому. После появления никто от них ни поступка дурного, ни слова не знал.

– А теперь пора спать, – невозмутимо подвела черту подруга, – завтра, чувствую, день будет не легкий.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Права оказалась Прасковья. Не успела я погрузиться в сладкий сон, в котором ждали меня родители, разговоры вздох и объятия, как откуда ни возьмись раздалось: бумбум! Бумбум! В моих несбыточных грезах мама только и успела сказать: «Дочка, открой дверь, в гости кто-то»... И этот «кто-то» в образе Прасковьи уже безжалостно тряс меня за плечо.

– Дашка, проснись, – навязчиво будила меня помощница. – Ну проснись, же, вставай! Срочный вызов!

При фразе «срочный вызов» меня инстинктивно тряхнуло, подбросило вверх и я окончательно проснулась, распахнув наконец глаза:

– Сейчас! Иду! Бегу! Уже!

На сборы времени много не понадобилось, и поэтому, спустя каких-нибудь десять минут, мы с подругой в боевой и врачебной готовности сидели в приехавшей за нами машине и мчались в неизвестность. По пути в пункт назначения мы постепенно овладевали предварительной информацией, и неизвестность прояснялась. Подъезжая к пациенту, мы уже знали, что больной, вернее больная – собака Буся, принадлежащая нашему деревенскому парикмахеру Сан Санычу, и что она захворала. Правда, слово «принадлежащая» в моей голове за время обитания в «параллели» уже претерпело некоторые изменения. Кто кому в этом мире принадлежит на самом деле? И принадлежит ли вообще? Животные хозяевам или...

Как раз на этом «или» машина остановилась, прервав мои философские размышления. Со слов владельца Буси мы узнали, что уже две недели несчастную собаку мучила жажда. Она стала вялой, много лежала, аппетит почти пропал. А сегодня ночью хозяин вдруг обнаружил, что у питомицы резко увеличился живот. С ума сойти! И чего он ждал раньше? Чего тянул? А сама Буся? Прасковья, в отличие от меня, быстро и весьма профессионально соображала и действовала на ходу. Мне же, еще не очень понимающей что, зачем, как и почему, пришлось с деловым видом выполнять все намеки помощницы. Выглядело это так, будто я здесь всем руковожу. За что я была Прасковье очень благодарна. Не позволила «сесть в лужу», ведь я все же доктор, хоть молодой и зеленый.

– Температура? Так, 38,5 – норма. Рвота? Нет? Хорошо. Рожала? Нет? Замечательно.

– Как же, как же, – слабым возмущенным голосом произнесла Буся, – Забыл Сан Саныч, я лет десять тому назад с Шариком... Ох, полюбила ж я его тогда... Эх, молодость, молодость...

– Да-да-да! – спохватился хозяин, – рожала один раз, и вполне успешно! Папаша, правда, неизвестен, но щенки!

Да, поторопился парикмахер с подобным заявлением!

– Как неизвестен? – вновь возмутилась слабеющая на глазах Буся. – Я ж тебе гулящая, что ли? Это ж соседский кавказец Шарик, забыл что ли?! Моя первая и единственная... Ох-ох... Молодость, молодость...

Собаке явно становилось хуже. Мы с помощницей решили срочно везти больную в ветпункт, куда уже мчался вызванный нами Тим Тимыч. После дополнительных обследований (анализ крови, ЭКГ, ультразвук), было принято решение о неотложной операции.

У бедной Буси оказалась довольно распространенная для дам ее возраста патология – пиометра, гнойное воспаление в матке. Мы с Прасковьей под руководством Тим Тимыча успешно удалили напоминающую огромную сардельку, наполненную содержимым с неприятным запахом матку вместе с яичниками, чем спасли пациентке жизнь. Далее последовала капельница, уколы антибиотика и другие стандартные послеоперационные назначения.

В общем, когда наступило утро и начало следующего рабочего дня, мы с Прасковьей уже были на боевом, то есть рабочем, посту. Сначала, как обычно, состоялась пятиминутка, виртуозно проведенная Тим Тимычем. Были поставлены вопросы и, конечно же, даны ответы, касающиеся текущих моментов нашей работы: «Кто?» «Когда?» «Почему?» и «Надо ли?» Проведенная Бусе в экстренном порядке операция была оценена «удовлетворительно», ее состояние оценено как «стабильно тяжелое», что опять-таки вселяло оптимизм, а это в нашей профессии уже хорошо. Последовавший затем осмотр стационарных больных дал также неплохие результаты.

Кошка Пелагея, находившаяся у нас по поводу сломанной нижней челюсти, была благополучно выписана домой. Да! Когда я узнала от Агриппины Ивановны историю про эту нижнюю челюсть, у меня самой чуть челюсть не отвалилась. Дело в том, что кошка с умудренной кличкой Пелагея еще с рождения была слишком любопытной. Сказать, что за два года своей молодой кошачьей жизни она побывала в ветпункте уже в седьмой раз – не сказать ничего. Промолчать тихо. Но я молчать не буду. В назидание остальным столь же любопытным кошкам.

В этот седьмой раз (рассказывать о предыдущих шести значит посвятить полностью роман Пелагее) случилось вот что. Неумно-любопытная пушистая страдальца пошла в хлев к коровам. Наученная горьким опытом, она тихонько обошла мычащих четвероногих, притормозив у бидона, стоящего в стороне. В него обычно сливали свежесдоенное и процеженное молоко. Далее, потеревшись уголком носа и оставив отметину в виде своего запаха на боку бидона (чтоб все кошки и коты знали – бидон мой, и то, что в нем, – тоже мое!) Пелагея, соблазненная доносящимся изнутри неопишущим ароматом, запрыгнула на крышку пригнувшейся тары. Молока внутри еще не было, но запах не исчезал никогда. Он был слаще и обворожительнее самых сладких духов Парижа и валерьянки из деревенской аптеки вместе взятых.

Стоя наверху столь манящей фляги, замечтавшаяся Пелагея упустила из виду момент, когда корова Буренка, возмущенная наглостью кошки, лягнула злосчастный бидон задней ногой. В результате чего Пелагея рухнула на дно обожаемой емкости, и покатила вместе с ней по полу не менее обожаемого ею хлева. Но, по-видимому, падение было столь неожиданным, что кошка, уже приготовившаяся лакать парное молоко, открыла клыкастую пасть, а закрыть ее в непредвиденном полете не успела.

Когда хозяйка Буренки и Пелагеи зашла в хлев, подняла валяющуюся на полу тару и заглянула внутрь, она услышала оттуда еле различимое и понятное только ей страдальческое «МЯУ-ВУ-У-У-У!»

...Челюсть любопытной Пелагеи Тим Тимыч собрал буквально по частям. Еще две недели несчастной кошке приходилось пить только жидкий бульон через специальную трубочку. И вот сегодня, после контрольного рентгеновского снимка, Пелагею отпустили домой. Судя по ее любознательному характеру и неподдельному оптимизму, не в последний раз.

В отличие от своей многократно страдавшей соседки, кролик Фома покинул больничку для животных со вполне определенной целью – больше сюда не возвращаться, надоело! Вовсе не Фома был виновен в своей беде и временном больничном заточении, а его хозяйка, девочка Лера. Не объяснили девочке, что кролик – это грызун, и не надо кормить его тем же, что кушает Лера, – кашами, супами, жвачкой, вареньем. А где сухарики? Сырые овощи? Зерно? Все, что можно и нужно грызть! У кролика зубки не как у Леры, они растут всю жизнь. И чтоб они не стали такими же огромными, как бивни у древнего мамонта, Фома должен их постоянно стачивать путем грызения твердой пищи!

Но девочка всех этих премудростей кормления кроликов просто не знала. А у Фомы зубы из-за этой мягкости росли, росли... Сначала вверх-вниз, затем вправо-влево. Росли до тех пор, пока действительно не стали напоминать маленькие бивни, а кроличий ротик перестал закрываться, отчего оттуда постоянно текла белая слюна, спровоцировавшая стоматит. Бедный кролик так бы и умер от голода, если бы Лера не догадалась отнести ушастого друга к врачу, заподозрив наконец неладное. Переросшие зубки были подрезаны, словно коготки, ротик подлечен, кожа на подбородке и шее зажила. И Фома на руках обожавшей его Леры возвращался домой. Он, наверно, догадывался, что после беседы с Тим Тимычем напуганная девочка больше никогда, к его большому огорчению, не будет делиться с ним шоколадным пломбиром...

А дальше сплошным потоком шли кошки, собаки, морские свинки, две коровы и даже одна из четырех деревенских лошадей, поранившая копыто на задней конечности.

После ужина, по уже установившейся негласно традиции и обоюдному молчаливому согласию, под монотонное урчание Кекса Прасковья продолжила пересказ бабушкиных сказок.

...Когда-то давно, но не очень, лет сто назад, жила в этих местах моя пра-пра-бабка. Звали ее Фи́ла. Почему Фи́ла? Не знаю. Бабушка Нюша тоже не знала ее полного имени. Фи́ла и Фи́ла. Может, Епифания или еще как? Местные жители, да и люди со всей округи, считали ее то ли прорицательницей, то ли вещуньей, то ли целительницей. Они боялись и одновременно уважали ее. Боялись, потому что если Фи́ла бралась судьбу предсказать (а надо отметить, что гадала она далеко не всем и редко), то все непременно сбывалось: и время, и место и поступки людей. И даже животных. А уважали за то, что если человек, попавший в беду, за помощью придет, никогда не отказывала. Лечила души и choroby всем, и бедным, и богатым, добрым и злым. Лечила травами и заговорами, словами и прикосновениями.

Жила Фи́ла одиноко в избушке, что на краю деревни стояла. Там до сих пор небольшой холмик от ее домика сохранился. Меня бабушка в детстве часто туда возила. Говорила, что это святое место. Когда болит, говорила, приди, поклонись, попроси Фи́лу. тебе она обязательно поможет, исцелит, если нужно будет, и тело и душу. Так вот, про Фи́лу легенды ходили. Судачили люди, что будто вещунья та была не из здешних мест. И не пришедшая. Как это может быть? А просто однажды, давным-давно, появилась из ниоткуда в деревне девушка Фи́ла и все... На все вопросы деревенских жителей «Из каких мест будете?» только загадочно улыбалась, лукаво отвечая: «Откуда пришла, назад уж не вернусь. Не ждет меня там никто. А здесь пригожусь!»

И поселилась с тех самых пор Фи́ла в заброшенной избушке на окраине деревни. Это уже позже сосватал ее за себя местный парень. За него и замуж пошла. А красоты она была доселе здесь не виданной и не слыханной. Другие парни боялись и подходить к ней, не то что свататься. А Иван не побоялся: «Люблю, – говорил – Фи́лу. Жизни мне без нее не будет».

Свадьбу сыграли. И жили они на зависть местным, долго и счастливо. Иван дом большой поставил, хозяйством обзавелись. Дочка умница и красавица родилась.

Все вроде складывалось хорошо, да только с появлением Филы в деревне стало происходить что-то странное, непонятное. Раз мальчишки в озере купались. Один тонуть начал.

В круговорот попал. Пока друзья его за подмогой бежали, одни круги на воде остались. Нет мальчишки, утонул, значит. С баграми мужики все озеро прошерстили, да так и не нашли парнишку. А через трое суток он сам домой явился. Живей живехонького. Говорит, на берег выбрался из последних силенок, пока друзья за подмогой бежали. Лег на траву да и провалился в сон от усталости. Три дня крепким сном проспал. А больше ничего так и не вспомнил. Так-то оно так, да только мужики то место, где мальчишка якобы на берег выбрался и три дня проспал, несколько раз проходили, когда его искали, и не могли бедолагу не заметить, если бы он там действительно был...

В другой раз две женщины с детьми в лес за грибами пошли. Да пропали. Опять всей деревней неделю искали, и не нашли. А через месяц все «пропажи» живые и здоровые домой вернулись. На вопросы деревенских отвечали, что далеко ушли, заблудились. А потом случайно, уже выбившись из сил, вышли на избушку в лесу. В подполе припасы оказались, так и выжили. Так-то оно так, да только никакой избушки отродясь в тех местах не бывало. Да и местные, когда пропавших искали, в том районе вдоль и поперек все исходили, под каждую травинку заглянули...

А еще случай был. Молния в ребенка попала. Упал он. Мертвый лежит, не шевелится. Бабы уже слезы льют, как по покойнику. И тут Фила подбежала, расступились бабы. А она погладила рукой по маленькой ребячьей головке, пошептала что-то. И ребенок глаза открыл, ожил. На удивленные возгласы деревенских Фила сказала, что он просто сознание потерял от испуга. Да баб-то не проведешь. Видели они, что малец уже синий был, не дышал.

Много чего еще подобного происходило в те времена. Да только все чудеса люди почему-то связывали с Филой. Где правда, где ложь – кто знает?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Этот день как-то сразу не задался. Сначала Кекс, пикируя с антресолей и привычно целясь в мою голову, случайно промахнулся и торпедировал в угол дивана. Мякнув от возмущения и боли, он вдруг неожиданно затих. Изрядно перепугавшись, мы кинулись к несчастному коту. После первичного осмотра было принято коллегиальное решение перенести его в ветпункт, что с осторожностью, будто в руках был не кот, а хрустальная ваза, мы и осуществили. После клинического осмотра Кекса во главе с Тим Тимычем, мы с Прасковьей немного успокоились. Наш любимец поплатился за свой неудачный полет достаточно легко: пара небольших гематом в области живота, один сломанный клык и частичный перелом хвостового позвонка. Кексу сделали пару уколов и наложили фиксирующую гипсовую лангету на хвост. С этим «каменным» продолжением туловища кот смотрелся как-то феерически странно: белый пушистый комок, начинающийся чудесной крупной зеленоглазой головой, заканчивался тоже белой, но уже плоской палкой, которая (видимо под тяжестью гипса) не хотела подниматься вертикально. Постоянно, словно в печали, торчала вниз.

В дальнейшем, осознав выгоду своего положения, Кекс не упускал возможность использовать новое состояние в свою пользу. Особенно в минуты крайнего недовольства. Начинать бить «гипсовым отростком» по полу до тех пор, пока к нему кто-нибудь не подбегал. Недовольства случались часто. Желания кота тут же исполнялись. Так что из своей травмы хитрое животное в течение последующего месяца извлекало для себя весьма зримую пользу.

Кекса в звериной больничке мы оставлять не стали, забрав бедолагу домой. Под приглядом двух специалистов наш питомец в домашних условиях быстрее пойдет на поправку,

решили мы. Только странное дело – еще несколько дней, находясь рядом с ним, я слышала одну и ту же осуждающе-душещипательную фразу:

– Промахнулся из-за тебя, мыр-мыр! Постоять минуту на месте не могла, мыр-мыр! В сторону отошла, мыр-мыр! Зараза! Это я-то?

Этот текст Кекс повторял снова и снова. Но когда я поворачивалась в его сторону, моему взору представала совершенно иная картина: спокойно-умиротворенная пушистая усатая мордочка, не выражающая никаких негативных эмоций и упреков. Но я-то понимала, слышала, ощущала, что все эти упреки исходили явно от нахального кота! И точно предназначались именно мне!

Наш рабочий день начался, как обычно, с разбора полетов, устроенного Тим Тимычем. Прооперированной накануне собаке Бусе полегчало: она, уже одетая в послеоперационную цветастую попонку, по-хозяйски обнюхивала отчего-то пустые миски, не собираясь бороться возрастающим с каждой минутой все больше и больше аппетитом. Отсутствие хоть какой-нибудь еды очень возмущало больную. В моем мозгу это возмущение абсолютно четко материализовывалось в недвусмысленные фразы:

– Гав! Обалдели! Гав! Беспредел! Схватили посреди ночи, оторвали от сна, потом увезли незнамо куда. Затем насильно спать заставили! Гав! А проснулась – на животе дырка зашита, гав! За что? Что я им, холерам, сделала? Гав?! Да еще эту тряпку на меня нацепили (это она так про послеоперационную попонку вещала)! Где вы видели, чтоб собаки в таких лохмотьях ходили? Гав! Мало того, они и всю еду еще съели, спрятали. Гав! Вон, миски пустые – ни еды, ни воды, голодом морят! Гав!

Околею-у-у-у!

Агриппина Ивановна, стоя рядом с нами, тоже, по-видимому, слышала эту тираду несчастной Буськи. При этом она молча, спокойно, не реагируя на возмущенный рев души и желудка собаки, взяла Бусю за ошейник и силком потащила упирающуюся всеми четырьмя лапами животину в процедурный кабинет. Лишь когда сопротивляющуюся Бусю усилиями всего ветперсонала водрузили на смотровой стол, буянка слегка утомилась.

Прасковья между тем деловито и привычно начала осмотр. Температура 38 – норма. И далее: пульс – норма, дыхание – норма, швы тоже в порядке.

– Сейчас поставим тебе капельницу с глюкозой, сделаем пару укольчиков и пойдешь на обед, уже можно, – констатировала подруга.

– На обед? – магическое слово собака ухватила острым слухом весьма резво. – А где завтрак? Сами съели?

После Буси нами была осмотрена кошка Фрося. Бедолага пострадала из-за своего любопытства и жадности. А также, как многие дамы, из-за страсти к красивым вещам и драгоценностям. Любила Фрося все блестящее и красивое. Стоило хозяйке Жанне забыть на видном месте колечко, брошь или цепочку, все. Ищи красивяшку где-нибудь в самом укромном месте дома – в углу под диваном, например. Из-за своей вороватой наклонности на операционном столе кошка лежала уже трижды!

На этот раз хозяйка забыла в ванной цепочку с крестиком. Спихватилась, на кошкину беду, не сразу. А Фрося уже тут как тут – в ванной шуршит, развлекается. И так лапкой блестящую штучку повернет, и вверх подкинет, и на коготок подцепит – хороша вещичка! Нет бы сразу в зубы и под диван в комнату метнуться. Но ей, словно с мышкой, поиграть на месте преступления захотелось. И вдруг – хозяйские шаги. Схватила Евфросинья приглянувшуюся ювелирку в зубы и дала деру вниз, под ванну. Бежать куда-нибудь подальше было уже поздно. А там, чтобы Жанна не поймала с поличным, кошка в мгновение ока проглотила блестяшку...

Хорошо еще, что женщина, не обнаружив на раковине пропажу и зная вороватые наклонности своей подопечной, моментально сделала правильный вывод и принесла кошку к нам. Рентгеновский снимок подтвердил худшие опасения. После непродолжительной операции из

желудка Фроси извлекли слегка изжеванную, но в общем почти целую цепочку с крестиком. Обошлось и на этот раз. Желудочно-кишечный тракт серьезно не пострадал. И вот сегодня швы были сняты, а Фрося вместе с хозяйкой отправилась домой. Да и наш рабочий день близился к концу.

Впрочем, после обсуждения и оценки историй пациентов, Прасковья внезапно замолчала и загадочно посмотрела на меня, затем, подмигнув, шепнула заговорщически на ухо:

– Дашка, а хочешь, следующую историю я расскажу тебе на том месте, где она могла произойти или произошла?

Дух авантюризма как всегда летел впереди моих мыслей: – Когда? Сейчас? Конечно! Пошли!

Мы стали поспешно одеваться, потому что день уже клонился к вечеру и темнело довольно быстро. Прасковья повела меня зачем-то в заброшенный, понуро притулившейся сразу за нашим домом сарай, и ткнула пальцем в захламленный угол. Переведя взгляд в указанное место, я заметила, что там стояли два пусть не совсем новых, но внешне вполне рабочих велосипеда. В тот момент, когда мы извлекали наши транспортные средства из сарая наружу, на голову мне, как всегда внезапно, упала мягкая шапка и возмущенно завопила:

– Мяу! Как же без меня! Мяу! Оставьте дома бедного больного одинокого кота? Мяу! Умру от тоски! И душевной боли! Мяу!!

Душевная боль и тоска – предлог серьезный. Мы с Прасковьей обреченно переглянулись. Дружно, не сговариваясь, вздохнули и, водрузив неугомонного страдальца в корзинку, прикрепленную сзади к багажнику велосипеда Прасковьи, двинулись в путь. Ехали довольно долго. Видимо, сказалось то обстоятельство, что последний раз педали я крутила давно, еще в неугомонном детстве. В результате моя пятая точка, находившаяся на жестком сиденье, спустя немного времени уже начала побаливать.

И вот, наконец, дорога маленькой, едва заметной тропинкой, свернула в сторону. Проехав еще пару километров, мы внезапно остановились. Моему взору открылась небольшая опушка на краю леса, окруженная огромными мрачными вековыми деревьями. В центре возвышался приличных размеров холм, посреди которого стоял большой двухметровый крест. Крест этот был весьма необычен. Он ощущался таким необъятным и старым, что казалось странным, почему он до сих пор не упал и не сгнил от древности. Моя спутница слезла с велосипеда и уверенным шагом направилась к Кресту. Мне же ничего не оставалось кроме как последовать за ней.

К моему удивлению Кекс, до сих пор дремавший (или просто делавший вид, что дремлет) в корзине для ручной клади багажника, внезапно выпрыгнул из своего лежбища и резвой рысью последовал за нами.

– Что это? – спросила я удивленно.

При ближайшем рассмотрении крест совсем не производил впечатление готового вот-вот рассыпаться на мелкие кусочки. Скорей наоборот. Внимательно приглядевшись, я заметила на древнем дереве едва заметные очертания какой-то надписи. Непроизвольно, совсем независимо от моего сознания, рука сама потянулась к кресту. Прикосновение к древнему дереву было странным. От его поверхности исходило тепло и умиротворение. Хотелось вечно стоять здесь, прикоснувшись к непонятной и оттого более притягательной древности.

Мою «нирвану» нарушила Прасковья, ворвавшись в сладостные неземные ощущения реальным земным голосом:

– Дашка! Вот здорово! Значит, я не ошиблась! Это действительно ты! Я посмотрела на подругу как на слегка сумасшедшую особу. Неужели произошло мое внешнее перевоплощение? И на кого я теперь похожа? На Кекса?!

Осознав двусмысленность своего возгласа, Прасковья всплеснула руками, успокаивая и одновременно возвращая меня в земную реальность.

– Дашка, послушай, я поняла, что в одной из сказок бабы Ньюши говорилось именно о тебе.

– Обо мне? – на мгновение обалдев от неожиданного поворота Прасковьиных размышлений, я лихорадочно решала дилемму, кто из нас более сумасшедший: я или она?

– Мяу! – резкий возглас кота вывел меня из ступора. В эту минуту я услышала текст, исходивший от белой, регулярно падающей мне на голову «шапки».... – Мяу! Глупая девица! Фыр! Слушай, что тебе говорят умные люди, коты и кресты!

Прасковья, тоже слышавшая тираду нашего питомца, благодарно кивнула ему в ответ и невозмутимо продолжила:

– В одной из сказок бабы Ньюши говорится о девушке, прилетевшей в нашу деревню то ли на метле, то ли на ковре...

Тут я снова не выдержала и бесцеремонно вклинилась в ее повествование:

– Так что, я была Бабой Ягой?

– Не перебивай меня, – невозмутимо продолжила Прасковья, – просто других летательных аппаратов тогда не существовало. А о самолетах тем более вовсе не слыхивали. Люди тут жили небогатые, и вместо роскошных ковров в избах стелили самотканые дорожки. Один такой станок стоял у нас в сарае. Ньюша даже учила меня на нем ткать. Но он сгорел вместе с домом.

Слезинка маленькой каплей горьких воспоминаний непрошено скатилась по щеке моей подруги. Я невольно бросилась к ней, обняла, и тихо сказала:

– Все! Все! Все! Не будем о грустном! И я больше не задаю дурацких глупых вопросов! Только слушаю тебя! Внимательно слушаю!

– Вот именно, давно пора помолчать, мыр-р-р!!! – надменно произнес кот.

Успокоившись, Прасковья продолжила свой рассказ.

– Так вот, о девушке. Одни люди говорили, что она прилетела, а другие видели, как она из воды вышла. Будто бы рыбак один сидел на берегу, рыбу ловил. И вдруг вода в озере вспенилась, волнами пошла. А из воды русалка вынырнула красоты невиданной и к берегу поплыла. Выбралась на камни. Хвост, словно сарафан, с себя скинула да и пошла к людям. А как это было на самом деле, никто толком не помнил. Да и не в этом суть. Важно другое. Девушка в деревне появилась. Ее приютила одинокая сердобольная старушка, у которой никого из близких не было – ни мужа, ни детей. Не побоялась наговоров людских про нечистую силу, что будто бы в девушке живет. А та ей вроде внучки стала. И помогала старушке во всем за доброту ее.

Только странность одна была. В каждое полнолуние, когда оно выпадало на пятницу, девушка уходила из дома за околицу и исчезала. Ровно на три часа. Потом появлялась, словно из воздуха сотворенная, и шла домой как ни в чем не бывало. Многие смельчаки деревенские, преодолев страхи, пытались проследить за ней, да что толку. Она, не видя их, словно чувствовала взгляд чужой. Начинала нарочно блуждать в лесу, петляя по только ей заметным тропинкам да тропам. Никто и никогда так и не разгадал ее тайну.

Так и жили они со старушкой душа в душу года три, пока пожилая женщина не умерла. Похоронила девушка ставшей ей близкой женщину, погоревала на могилке и однажды – это случилось в ближайшее полнолуние – опять исчезла. Сосем исчезла, будто и не было ее вовсе... Но ведь была! Долго еще местные судачили о загадочной незнакомке, да прошло время – забыли. И знаешь, что самое удивительное сказала мне перед самой кончиной баба Ньюша? – Прасковья посмотрела на меня таким взглядом, точно проверяя, не улечу ли я, как та девушка, после ее признания на какой-нибудь метле в неизвестность. – Она сказала, что я обрету ту девушку подругой и она при помощи Креста и книги укажет мне путь.

При этих словах я чуть на землю не упала, но, выдержав паузу, взяла себя в руки, едва слышно прошептав:

– Неужели я так плохо выгляжу, что похожа на создание, способное выплывать из воды, словно русалка, парить в небе, и исчезать неведомо куда?

И тут что-то громко стукнуло. Мы с Прасковьей синхронно посмотрели в сторону предположительного источника звука. Ну как же! Это наш обожаемый котяра, дабы привлечь внимание к своей персоне, долбил добросовестно загипсованным нами хвостом об деревянный крест. Очевидно, Кекс подслушал наш разговор и был явно недоволен моим итоговым резюме.

– Глупая, – невозмутимо молча продолжил вещать нахальный зверь, – не верит она ничему. Подойди к Кресту, протри старую надпись и увидишь то, что только ТВОИМ глазам откроется! Мыр-р-р-р! Ну-ну!

Мы с Прасковьей недоуменно переглянулись и, словно зачарованные под гипнозом, повиновались коту. Старинный Крест, покрытый белым мхом, казалось, непостижимым образом манил меня к себе. Откуда-то вдруг появилось неумное желание вновь прикоснуться к нему. А дальше руки сами, помимо воли, стали очищать от вековых, природой сотканных наслоений, старинное дерево.

И каково же было наше изумление, когда под слоем мха действительно появилась какая-то надпись. Мы с подругой стали внимательно вглядываться в старинные письмена. После нескольких казавшихся вечностью минут она вдруг с досадой и отчаянием произнесла:

– Ничего не понятно! Просто какие-то палочки и крючки! Мы никогда не сможем разобрать, что здесь написано!

– Мр-р-р! Еще одна глупая! Молчи, мр-р-р! Ты слепа! Дашка зрячая! Мр-р-р-р! Зрячая-я!

Возмущение Прасковьи взяло верх над благоразумием. Она успела издать только первый вопль негодования, который тут же был прерван мною.

– Прасковья! Как же ты не видишь? Буквы читаются совершенно отчетливо, будто вчера написаны! Слушай!

Перед моими глазами виднелась четко читаемая надпись, которую я с едва сдерживаемым волнением и восторгом первооткрывателя быстро и довольно легко прочла:

– Под крестом этим покоится прах Ефимии, прожившей на свете этом ровно сто девяносто три года, три месяца и три дня.

И сразу после того, как я произнесла это вслух, прочитанный только что текст внезапно у меня на глазах стал изменяться. А зря все-таки говорят «не верь глазам своим». Как не поверить, если теперь читались уже совершенно другие фразы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.